

ISSN 1814 - 6961

ОТАН ТАРИХЫ

ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛ

Үш айда бір рет шығатын ғылыми журнал
2019, № 3 (87)

3 /2019

Журнал Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Білім және ғылым саласындағы бақылау комитетінің (ҚР БҒМ БҒБК) ғылыми қызметтің нәтижелерін жариялау үшін ұсынылатын баслымдар тізіміне кіреді.

Бас редакторы:
Зиябек Қабылдинов

Редакциялық алқа:

Абдрахманов Толобек Абылович, т.ғ.д., профессор, И. Арабаев атындағы Кыргыз мемлекеттік университетінің ректоры (Қырғызстан)

Акинер Ширин, т.ғ.д., Лондон университетінің профессоры (Ұлыбритания)

Асылбекова Жамиля Мәлікқызы т.ғ.д., профессор, Халықаралық бизнес университеті (Қазақстан)

Әбусейітова Меруерт Хуатовна, т.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитеті Р. Сулейменов атындағы Шығыстану институты «Тарихи материалдарды зерттеу орталығының» директоры, ҰҒА корр.-мүшесі (Қазақстан)

Әлімбаев Нұрсан, т.ғ.к., профессор, ҚР Мемлекеттік музейінің директоры (Қазақстан)

Әжіғали Серік Ескендірұлы, т.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитеті Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты (Қазақстан)

Буканова Роза Гафаровна, т.ғ.д., профессор, Уфа қаласындағы Башқұр мемлекеттік университеті (Ресей)

Голден Питер, Принстон университетінің профессоры (АҚШ)

Жұмағұлов Қалқаман Тұрсынұлы, т.ғ.д., профессор, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің «Дүние жүзі тарихын зерттеу» орталығының директоры, Германиядағы Геттинген университетінің құрметті профессоры (Қазақстан)

Исмағұлов Оразақ, т.ғ.д., профессор, ҰҒА академигі (Қазақстан)

Көмеков Болат Ешмұхамедұлы, т.ғ.д., профессор, ҰҒА академигі (Қазақстан)

Ламин Владимир Александрович, т.ғ.д., профессор, РҒА корр.-мүшесі, РҒА Сібір бөлімінің Тарих институты (Ресей)

Мансура-Хайдар, профессор (Үндістан)

Масов Рахим Масович, т.ғ.д., профессор, А. Дониш атындағы Тарих, археология және этнография институты (Тәжікстан)

Мұқтар Әбілсейт Қапизұлы, т.ғ.д., профессор, Атырау қаласындағы «Сарайшық» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығының директоры (Қазақстан)

Навроцкий Карл, PhD докторы, Гданьск қаласындағы екінші дүниежүзілік соғыс музейінің директоры (Польша)

Осман Мерт, Ататүрк университетінің профессоры (Түркия Республикасы)

Сидхарт С. Саксена, Кембридж университетінің профессоры (Ұлыбритания)

Сон Ен Хун, Хангук шет тілдер университетінің профессоры (Оңтүстік Корея)

Сыдықов Ерлан Бәттайұлы, т.ғ.д., профессор, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің ректоры (Қазақстан)

Якуб Алексей Валерьевич, т.ғ.д., профессор, Ф.М. Достоевский атындағы Омск мемлекеттік университет (Россия)

Редакционная коллегия журнала

Абдрахманов Толобек Абылович, д.и.н., профессор, ректор Кыргызского государственного университета имени И. Арабаева (Кыргызстан)

Абусейтова Меруерт Хуатовна, д.и.н., профессор, член корр. НАН РК, директор

центра «Исследование исторических материалов» института Востоковедения имени Р. Сулейменова Комитет науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (Казахстан)

Акинер Ширин, д.и.н., профессор Лондонского университета (Великобритания)
Алимбай Нурсан, к.и.н., профессор, директор Государственного музея Республики Казахстан (Казахстан)

Ажигали Серик Ескендерович, д.и.н., профессор, Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (Казахстан)

Асылбекова Жамиля Маликовна, д.и.н., профессор, Университет международного бизнеса (Казахстан)

Буканова Роза Гафаровна, д.и.н., профессор Башкирского государственного университета г. Уфа (Россия)

Голден Питер, профессор Принстонского университета (США)

Жумагулов Калкаман Турсынович, д.и.н., профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, директор «Центра по изучению Всемирной истории», Почетный профессор Геттингенского университета в Германии (Казахстан)

Исмагулов Оразак, д.и.н., профессор, академик НАН РК (Казахстан)

Кумеков Болат Ешмухамедович, д.и.н., профессор, академик НАН РК (Казахстан)

Ламин Владимир Александрович, д.и.н., профессор, член корр. РАН, директор Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)

Мансура-Хайдар, профессор (Индия)

Масов Рахим Масович, д.и.н., профессор института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша (Таджикистан)

Муктар Абилсейит Капизулы, д.и.н., профессор, директор государственного историко-культурного музея-заповедника «Сарайшық» в городе Атырау (Казахстан)

Навроцкий Карл, доктор PhD, директор музея Второй мировой войны в г. Гданьск (Польша)

Осман Мерт, профессор Атаюркского университета (Турция)

Сидхарт С. Саксена, профессор Кембриджского университета (Великобритания)

Сон Ен Хун, профессор университета иностранных языков Хангук (Южная Корея)

Сыдыков Ерлан Батташевич, д.и.н., профессор, ректор Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. (Казахстан)

Якуб Алексей Валерьевич, д.и.н., профессор, ректор Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского (Россия)

Editorial Board of the Journal

Abdrahmanov Tolobek Abylovich, Doctor of Historical Sciences, professor, Rector at the I. Arabayev State university (Kyrgyzstan)

Abuseitova Meruert Huatovna, Doctor of History, professor, Corresponding Member NAS RK, director of the Center for the Study of Historical Materials at the Institute of Oriental Studies named after R. Suleimenov of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan Science Committee (Kyrgyzstan)

Akiner Shirin, Doctor of Historical Sciences, Professor of London University (Great Britain)

Alimbai Nursan, Doctor of History, professor, Director of the State Museum Republic of Kazakhstan (Kazakhstan)

Asylbekova Zhamilya Malikovna, Doctor of Historical Sciences, professor at

University of International Business, Almaty (Kazakhstan)

Azhigali Serik Eskendirovich, Doctor of History, professor, C.C. Valikhanov Institute of History and Ethnology. Science Committee Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Kazakhstan)

Bukanova Roza Gafarovna, Doctor of Historical Sciences, professor at Bashkir state university. Ufa (Russia)

Golden Peter, a professor at Princeton University (USA)

Zhumagulov Kalkaman Tursynuly, Doctor of Historical Sciences, Academician, professor of Al-Farabi Kazakh National University, Director of the Research Center on World History Studies, Emeritus Professor of German Göttingen University (Kazakhstan)

Ismagulov Orazak, Doctor of Historical Sciences, professor. Academician of National Academy of Sciences (Kazakhstan)

Kumekov Bolat Yeshmukhameduly, Doctor of Historical Sciences, professor, Academician of National Academy of Sciences (Kazakhstan)

Lamin Vladimir Alexandrovich, Doctor of History, professor, Corresponding Member. RAS, director of the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Россия)

Mansura-Haydar, professor (India)

Masov Rakhim Masovich, Масов Рахим Масович, Doctor of Historical Sciences, professor A Donish Institute of History, archeology and Ethnography (Tajikistan)

Mukhtar Abilseit Kapizuly, Doctor of Historical Sciences, professor, Director of the State Historical and Cultural Museum-Reserve "Sarayshyk" in Atyrau (Kazakhstan)

Navrocki Karl PhD, Second world war museum director in Gdansk (Poland)

Osman Mert, professor of the Atatürk University (Turkey)

Sidhart S. Saxena, professor at Cambridge University (Great Britain)

Son Yong Hong, a professor of the Hanguk University of Foreign Languages (South Korea)

Sydykov Erlan Battashevich, Doctor of Historical Sciences, professor, Rector of the L.N. Gumilev Eurasian National University (Kazakhstan)

Jakub Aleksei Valerievich, Doctor of Historical Sciences, professor, Rector of the Omsk state university named after Dostoevski F.M. (Russia)

Жауапты редактор:

Айжамал Құдайбергенова

Редактор:

Бота Жүнісова

Компьютерде өңдеуші және дизайнер:

Венера Зикирбаева

Редакцияның мекен-жайы:

050100, Қазақстан Республикасы,

Алматы қ., Шевченко көшесі, 28,

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты,

Отан тарихы журналының редакциясы

Телефон: +7 (727) 272-46-54

E-mail: Otanhistory@gmail.com

Электрондық мекен-жай: <http://infohistory.info>

Журнал 1998 жылдан бастап шығады

Қазақстан Республикасының Ақпарат және қоғамдық келісім министрлігінде

1998 ж. 9 наурызда тіркеліп, N 158-ж кәуәлігіне ие болды.

Мақалаларды қайта бастырып жариялағанда, микрофильмге және басқа да көшірмелерге түсіргенде міндетті түрде журналға сілтеме жасау қажет.

**ЭТНОЛОГИЯ ЖӘНЕ АРХЕОЛОГИЯ
ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ
ETHNOLOGY AND ARCHEOLOGY**

МРНТИ 03.41.91

**КЛЕЙМА И ТАМГИ НА ДВУХ СЕРЕБРЯНЫХ СОСУДАХ
ИЗ ДОЛИНЫ ШУ И МОНГОЛИИ¹**

Рогожинский Алексей Евгеньевич¹, Железняков Борис Анатольевич²

¹Кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана,
Казахстан, г. Алматы. E-mail: alexeygo@hotmail.com

²Докторант PhD,
старший научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана,
Казахстан, Алматы. E-mail: boriszheleznyakov@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются два памятника раннесредневековой согдийской торевтики: кувшин из Покровского клада из Шуйской долины и чаша из Монголии. Оба предмета имеют имитации византийских клейм, в том числе в форме крестов, а также несколько гравированных тамгообразных изображений. Сосуды не связаны с распространением христианства в Центральной Азии в раннее средневековье. Они предназначались для преподношений правителям крупных кочевых объединений или племен восточных и западных тюрков. Тамги на сосудах находят аналогии в клановых эмблемах на известных мемориалах Восточного Тюркского каганата и среди тамга-петроглифов Центральной Азии. Сосуды с имитациями константинопольских клейм, как аналоги византийских раритетов, входили в круг престижных предметов-символов, маркировавших высокое социально-политическое положение представителей тюркской элиты.

Ключевые слова: Шуйская долина, Монголия, византийские клейма, тюркские тамги, серебряные сосуды.

ҒТАХР 03.41.91

**ШУ АЛҚАБЫНАН ЖӘНЕ МОНҒОЛИЯДАН ТАБЫЛҒАН ЕКІ КҮМІС
САУЫТТАРДАҒЫ БЕЛГІЛЕР МЕН ТАҢБАЛАР**

Рогожинский Алексей Евгеньевич¹, Железняков Борис Анатольевич²

¹Тарих ғылымдарының кандидаты, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтінің жетекші ғылыми қызметкері,
Қазақстан, Алматы қ. E-mail: alexeygo@hotmail.com

²PhD докторанты,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтінің аға ғылыми қызметкері,
Қазақстан, Алматы қ. E-mail:boriszheleznyakov@mail.ru

Түйіндеме: Мақалада ерте ортағасырлық соғдылық торевтикасының екі ескерткіші қарастырылады: Шу алқабындағы Покров қазынасынан табылған көзе және Монғолиядан табылған тостаған. Екі бұйымда да византиялық белгілердің еліктемелері бар, сонымен қатар кірес пішінінде, және де нақышталған таңбаға ұқсас бірнеше бейнелер де бар. Сауыттардың ерте ортағасырларда Орталық Азияда тараған христиандықпен ешбір байланысы жоқ. Олар ірі көшпенділер

1 Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки МОН РК, ИРН проекта BR05236565.

бірлестіктерінің немесе шығыс және батыс түріктердің билеушілеріне тарту жасағанға арналған. Сауыттардағы таңбалар Орталық Азиядағы таңба-петроглифтер арасындағы және Шығыс Түрік қағанатының әйгілі мемориалдарындағы рулық қауымдардың танымбелгілеріне ұқсас. Константинопольдік белгілерге еліктелген белгілері бар сауыттар византиялық раритетке ұқсастық ретінде беделді нышанды бұйымдардың тобына кірген. Ол түрік бетке ұстар өкілдерінің жоғары әлеуметтік-саяси жағдайларының белгісі болған.

Кілт сөздер: Шу алқабы, Монғолия, византиялық белгілер, түрік таңбалары, күміс сауыттар.

IRSTI 03.41.91

STAMPS AND TAMGAS ON TWO SILVER VESSELS FROM SHU VALLEY AND MONGOLIA

Rogozhinskiy Alexey Y.¹, Zheleznyakov Boris A.²

¹Candidate of Historical sciences, A.Kh. Margulan Institute of Archaeology Leader scientific researcher, Kazakhstan, Almaty. E-mail: alexeyro@hotmail.com

²PhD student, A.Kh. Margulan Institute of Archaeology scientific researcher, Kazakhstan, Almaty. E-mail:boriszheleznyakov@mail.ru

Abstract: The article deals with two monuments of early medieval Sogdian toretics: a jug from the Pokrovsky treasure trove from the Shui valley and a bowl from Mongolia. Both objects have imitations of Byzantine stamps, including the form of crosses, as well as several engraved tamgas. The vessels shall not be linked with the spread of Christianity in Central Asia in the early Middle Ages. They were intended to be presented to the rulers of large nomadic associations or tribes of Eastern and Western Turks. Tamgas on vessels have analogies in the clan emblems on the famous memorials of the Eastern Türkic Kaganate and among tamga petroglyphs of Central Asia. Vessels with imitations of Constantinople stamps, as proxies of Byzantine rarities, were among the prestigious objects-symbols that marked the high social and political position of the representatives of the Turkic elite.

Key words: Shu valley, Mongolia, Byzantine stamps, Turkic tamgas, silver vessels.

Введение. Из истории изучения памятника. Почти сто лет назад, зимой 1923 г., при добыче глины из насыпи «кургана» на площади села Покровское (ныне с. Новопокровское) к востоку от Пишпека (г. Бишкек) дети случайно обнаружили клад. В него входили три серебряных сосуда: блюдо, стоявший на нем кувшин и находившаяся рядом кружка (Плоских, Мокрынин, 2010, с. 205–206). Благодаря своевременным мерам, предпринятым алма-атинским учителем и краеведом В.Д. Городецким, стали известны обстоятельства находки, зарисованы и описаны предметы клада, а два из них (блюдо и кувшин) удалось изъять у находчиков и передать в Джетысуйский (бывш. Семиреченский) областной музей в Алма-Ате (г. Алматы) (Городецкий, 1926). Оба предмета хранятся в Центральном Государственном музее Республики Казахстан (кувшин – КП 3984). Миниатюрная кружка, первоначально оставшаяся на руках у местного жителя с. Покровское, была приобретена в 1925 г. для Государственного Эрмитажа (Тревер, 1940, с. 112, табл. 34, № 27).

Сегодня невозможно указать точное место обнаружения клада в районе Новопокровского, где в последующее время выявлены пять средневековых городищ, три из которых уже уничтожены современной застройкой (Кольченко, Ротт, 2005). Можно предположить, что комплект серебряной посуды найден в

одном из «бугров», еще сохранявшихся в окрестностях села в 1929–1930 гг. и являвшихся «остатками древних зданий» или некрополем, «функционировавшим при одном или нескольких Новопокровских городищах» (Кольченко, Ротт, 2005, с. 79–80).

Сосуды Покровского клада обстоятельно описаны В.Д. Городецким, затем – К.В. Тревер, включившей кувшин и кружку в сводную работу по памятникам греко-бактрийского искусства в собраниях Эрмитажа (Тревер, 1940, с. 110–114). Оба автора уделили внимание знакам на дне кувшина – клеймам и граффити, прорезанным поверх них острым инструментом (рис.1, 1–3). В заметке В.Д. Городецкого те и другие рассматриваются как тамги; в отношении крестовидных клейм такая трактовка предложена, возможно, из осторожности ввиду развернувшихся антирелигиозных мероприятий советской власти. В схематично воспроизведенных на рисунке «царапинах» он различил некий «основной штрих», соединяющийся «в ряд комбинаций с подобными же штрихами (тамгами)», т.е. предположил существование нескольких тамгообразных знаков, гравированных на сосуде (Городецкий, 1926:80–81, рис.6, 7). К.В. Тревер ограничилась публикацией рисунка с пятью крестообразно расположенными клеймами, имеющими «очертания креста с расширяющимися к концам крыльями, внутри его – резное изображение креста, обнесённое рядом мелких точек», и упоминанием, что «тут же на дне имеется ряд царапин, расположение которых даёт очертание клейма» (Тревер, 1940:111, рис. 9). Никто из других исследователей памятника о «царапинах» на дне кувшина больше не упоминает (рис.1, 4).

Рис. 1. Серебряный кувшин из Покровского клада. 1–3 – общий вид сосуда и клейм с тамгами на донце; 4, 6, 8, 18 – клейма и тамги №1–3 на донце. Тамга-петроглифы: 5, 7, 14–16 – Шу-Илейские горы; 13 – Каратау; 9, 10 – тамга и стела из Когалы; 11 – тамга на статуе из Минусинского музея в г. Абакан; 12 – руническая надпись и тамга, Монголия; 17 – тамги и надпись на сосуде из мог. Катанда II. 1, 3 – фото Б.А. Железнякова; 2 – фото О.А.Мякишевой; 4–8, 11, 13–16, 18 – фото и прорисовки А.Е. Рогожинского; 9, 10 – (по: [Рогожинский, 2010]); 12 – фото Е.А. Миклашевич; 17 – (по: [Памятники...])

В 1929 г. Л.А. Мацулевич впервые высказал мысль о восточном происхождении «кувшина, недавно найденного в Средней Азии», и такой его примечательной особенности, как «чисто внешнее, так сказать, декоративное подражание византийским крестовидным клеймам», что могло иметь «намерение выдать кувшин на Востоке за столичное изделие» из Византии (Matzulewitsch, 1929:62). Однако К.В.Тревер, обратившая внимание исследователя на материалы Покровского клада (Ibid. см. прим.2), отнесла кувшин и кружку к предметам позднеантичного искусства конца II – начала I в. до н.э., подчеркнув при этом, что «клейма» на дне, которые представляют собою как бы подражание византийским клеймам, были нанесены в более позднее время» (Тревер, 1940:112). Между тем Л.А.Мацулевич, основываясь на технологическом изучении предметов торевтики «византийского антика» из Эрмитажа, установил одновременность изготовления и клеймения большинства изделий: «Распространенное мнение о наложении византийских клейм на готовые, даже древние предметы оказывается несостоятельным по чисто техническим причинам. Сохранившиеся клейма не только не были выбиты на готовых или древних изделиях, но, в большинстве случаев, просто не могли бы быть выбиты на тех местах, где они выбиты, после того, как данный предмет был окончательно отделан. Клеймение, служившее целям фиска, так сказать, вклинивалось в самый производственный процесс, становилось как бы одним из его звеньев. Поэтому датировка клейм служит одновременно и датировкой всего изделия» (Matzulewitsch, 1929:138–139). А.Н. Бернштам, отметив сходство сосуда из Покровского клада и керамического кувшина кафыркалинского типа из Сукулук (Бернштам, 1950, с.112), поддержал мнение Л.А.Мацулевича о местном происхождении сосудов из Покровского – «сделанные явно на месте, но имеющие варварские подражания византийским клеймам ремесленников» – и выразил несогласие с датировкой предметов, предложенной К.В. Тревер (Бернштам, 1998, с. 262, 267, прим. 11).

Кувшин из Покровского клада вошел в каталог византийского серебра с клеймами (Cruikshank Dodd, 1961, no.102) и включен в раздел объектов с нестандартными штампами, отличающимися от пробирных клейм, которые наносились на продукцию императорских мастерских в Константинополе в VI – середине VII в. Крестовидные клейма с монограммами вводятся при Юстиниане I (527–565) дополнительно к ранее существовавшим четырем типам клейм и наносятся наряду с ними на серебряные изделия до времени Константа II (641– 651/2), после чего клеймение прекращается (Ibid., p. 5–7). Самые ранние крестовидные клейма имеют довольно грубую форму с прямыми концами; клейма с расширенными окончаниями креста появляются в конце правления Юстиниана (Ibid., p15; no. 15, 16, 17, 19). Эрика Круикшанк Додд отметила, что на крестообразных клеймах сосуда из с. Покровское имеются рисунки, которые напоминают монограммы, но не содержат настоящих букв; вероятно, они являются провинциальными имитациями клейм императорского типа и могут датироваться концом VII в. или VIII в. (Ibid., 21–22, 275).

К вопросам атрибуции предметов Покровского клада обращались Г.В. Григорьев, Б.И. Маршак и В.П. Даркевич (Григорьев, 1948:103; Маршак, 1961:191-193; Маршак, 1971:31-83; Даркевич, 1976:8-9). Происхождение

сосудов исследователи единодушно связывают с Согдом. Для их датировки Б.И. Маршак привлекались аналогии из комплекса керамической столовой посуды VII–VIII вв., в которых «подражание металлу очевидно», а также серебряный сосуд, найденный в 1867 г. в Вятской губернии: «Эти почти одинаковые кувшины датируются омейядскими монетами, найденными в вятском кувшине, и крестами, напоминающими византийские клейма VI–VII веков на кувшине из села Покровского» (Маршак, 1961:189–191). Время отложения клада монет и серебряного слитка в сосуде из Ягушурского починка (Вятская губ.) – не ранее середины IX в. (Даркевич, 1976:8). Л.Р. Кызласовым отмечено сходство кувшинов из Чуйской долины и Ягушур с узкогорлым кувшином со сливом и на полом поддоне из мог. Калбак-Шат в Туве: «Кувшин, найденный в хакасском кургане второй половины IX – начала X в. ... положен в могилу после многолетнего использования. Он сильно помят, имеет изъяны в поддоне и следы оторванной вертикальной ручки, некогда соединявшей тулово с венчиком ...» (Кызласов, 1969:99).

Говоря о влиянии «степных вкусов» на форму и декор серебряной посуды, изготавливавшейся согдийцами для кочевников, Б.И. Маршак упоминает сосуды из Покровского и Ягушурского кладов: «Кувшины (Т11, Т22) из с. Покровское и ВС124 по форме поддона не находят аналогий, кроме тюркских кружек VII–VIII вв. (например, ВС159 из Катанды)» (Маршак, 1971:52). Отметим это упоминание в связи с наличием на донце серебряной кружки из кург. 1 мог. Катанда II рунической надписи и знаков-тамга (рис. 1, 17) и, принимая датировку памятника IX в. (Кызласов И.Л., 2010, с. 62–63), вновь подчеркнем длительность нахождения в обиходе подобных престижных предметов (ср. согдийский кувшин с позолотой VII в. в погребении X в. из Внутренней Монголии (China, 2004:316–317, no.208). Примечательна еще одна аналогия: найденная в Монголии серебряная чаша с пятью клеймами трех видов, в том числе крестовидным, которые тоже имитируют византийские пробирные знаки с монограммами (Munkhtulga, 2013: fig.12, 13, 18). Между клеймами на донце процарапаны три тамги, руническая надпись и другие рисунки, оставленные сменявшимися обладателями чаши, первый из которых вырезал на металле тамгу династии Ашина (рис.2, 1, 2). По определению Б.И. Маршака, эта согдийско-тюркская по форме и декору чаша не ранее рубежа VII–VIII вв. принадлежала «восточнотюркскому владельцу», а имитация императорских клейм должна была, по замыслу мастера, как и в случае с кувшином из Покровского клада, придать большую ценность якобы привозному и престижному изделию (Маршак, 2006:74). Смена нескольких владельцев чаши, как показывает анализ тамгообразных граффити (см. ниже), предполагает обращение предмета в кочевой среде Монголии и Алтая до начала IX в. Наконец, продолживший изучение остатков Новопокровских городищ В.А. Кольченко также склонен отделять датировку изготовления предметов Покровского клада от времени его отложения: «... Дату VII–VIII века следует воспринимать как *terminus post quem* для комплекса, т.е. не исключая и более поздних дат» (Кольченко, 2018:101).

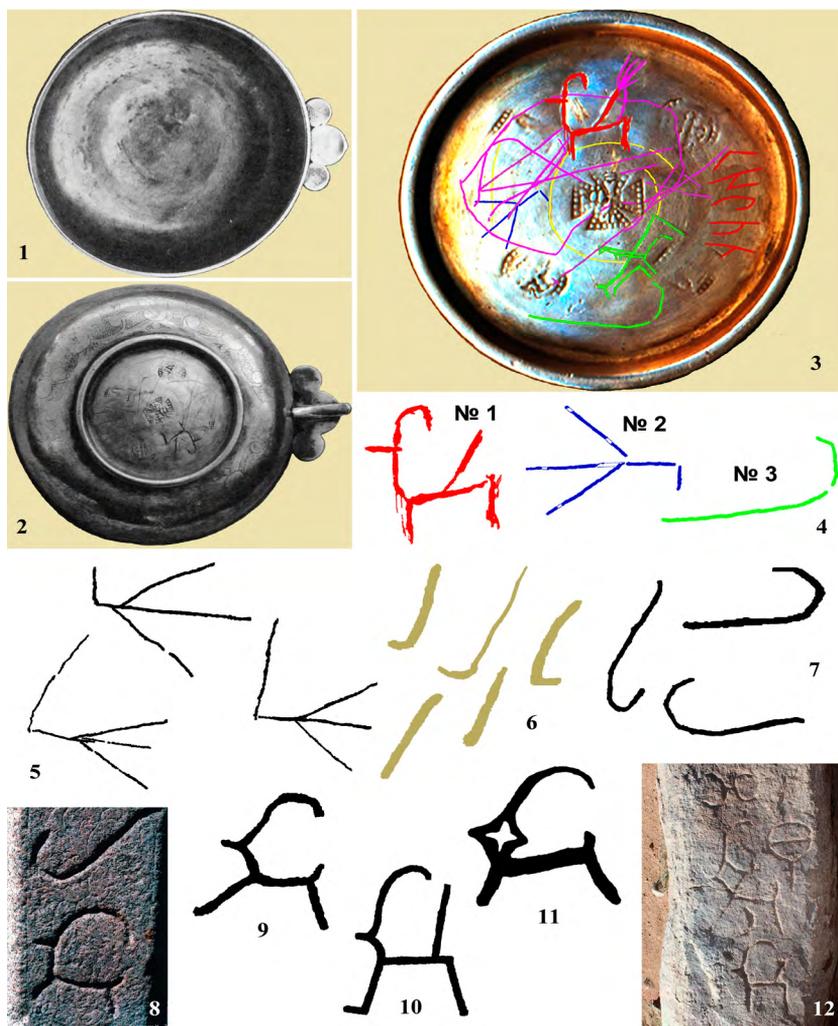

Рис.2. Серебряная чаша из Монголии. 1, 2 – вид чаши с клеймами и рисунками на донце; 3 – клейма и граффити на донце; 4 – тамги №1–3; 5, 7 – тамги из собрания знаков на Калбак-Таши I; 6 – тамги казахов канлы и ысты, 1870-е гг.; 8, 12 – тамги на стелах Карабалгасун II (8) и Донгийн Ширээ (12), Монголия; 9–11 – разновидности тамги Ашина на памятниках Чойрэн (9), Бильге-кагана (10) и Мухар (11) в Монголии. 1 – (по: [Маршак, 2006]) 3 – фото по: [Munkhtulga, 2013]; 3, 5, 7 – прорисовки А.Е. Рогожинского; 8, 12 – (по: [Atalar mirasi])

Итак, имеется два предмета из серебра (кувшин из Покровского клада и чаша из Монголии), изготовление которых связывается специалистами с согдийской школой торевтики, которые несут на своей поверхности имитации клейм константинопольских мастерских, а также тамгообразные граффити, указывающие на длительное обращение дорогих сосудов в кочевой среде Центральной Азии. Рассмотрим далее, какие дополнительные возможности для атрибуции и датировки памятников предоставляют клейма и «царапины» на дне грушевидного кувшина и чаши.

Обсуждение. Клейма, рисунки и знаки на сосудах. Вопрос об одновременности изготовления и клеймения кувшина из Покровского клада требует специальной

экспертизы: предположение К.В. Тревер о возможном нанесении клейм на готовое изделие как будто опровергается аргументацией Л.А. Мацулевича, но штампы на сосуде Л.А. Мацулевич и Э. Додд рассматривали только по фотографиям, принадлежащим Эрмитажу. Несомненно, оттиски сделаны одним клеймом (совпадают расположение и форма пуансонов, включая один крайний, отпечатки которого имеют сходный дефект), дважды повернув предмет (или его заготовку) против часовой стрелки после нанесения центрального штампа. Прорезанные острыми инструментами «царапины» имеют разную глубину, отличаются по характеру замятин на краях, при этом складываются в серию определенных фигур и знаков, в нескольких местах перекрывающих клейма, т.е. появились позже них и могут расцениваться как владельческие тамги и рисунки.

Перекрещенные фигуры внутри крестовидных клейм (рис. 1, 2) отличаются формой своих окончаний: одна из них включает элементы (короткую линию над развилкой, закругленные выступы один под другим), отдаленно напоминающие греческие буквы С и К (элементы переставлены местами), присутствующие в монограммах на подлинных византийских клеймах времени правления Иераклия (610–641) (Cruikshank Dodd, 1961, table III, no. 43–46, 70, 71); вторая фигура напоминает опору ступенчатого креста с поперечной перекладиной на византийских солидах VII–VIII вв. (Бутырский, 2004:142–143). Декоративный, буквенно-подражательный характер, по-видимому, имеют и фигурные окончания псевдомонограмм на чаше из Монголии (Munkhtulga, 2013, fig. 12, 18), притом что здесь имитируются пробирные клейма разных типов, а крестовидный оттиск – лишь один из них (рис. 2, 3). Другими словами, в том и другом случае резчик явно имел определенное представление об атрибутике византийских раритетов (дорогой столичной посуды и монет), но не стремился к точному ее воспроизведению, допуская произвольное соединение разнородных элементов и искажение форм оригиналов. Очевидно, в точности не было необходимости: греческие монограммы на клеймах вряд ли были бы понятны христианам неортодоксальных течений Средней Азии и Жетысу, пользовавшихся в литургии сирийским языком, а тем более поликонфессиональному кочевому населению Турана. Важнее было добиться внешнего подобия формы и декора (ср. медальон с «античным» профилем на ручке кружки из Покровского клада (Маршак, 1971:60)), воспроизвести характерный порядок размещения и набор опознавательных знаков (пятикратный оттиск клейм на кувшине и чаше), чтобы выдать аналог за импортный оригинал. При этом собственно религиозная символика креста-штампа, украшенного рядами перлов и декоративными псевдомонограммами, явно отступает на второй план перед прагматичным замыслом изготовителя или заказчика этих изделий. Для кого же они предназначались? Обратимся за ответом к тамгообразным граффити на сосудах из долины р. Шу и Монголии, тем более что прежнее состояние «неизученности и несобранности геральдических материалов Алтая» (Кызласов, 2010:62) и Центральной Азии успешно преодолевается в наши дни.

Чаша из Монголии. Граффити на сосуде в 2010 г. рассмотрел и подробно описал Р. Мунхтулга (Munkhtulga, 2013:27–28, fig. 12, 13); немного раньше Б.И. Маршак выполнил экспертизу сосуда по фотографиям (Маршак, 2006:74). У нас так же нет привилегии обсуждать предмет *de visu*, но опубликованные качественные фотоснимки донца сосуда как будто позволяют разобраться в характере разновременных гравировок и высказать определенные предположения (рис. 2, 3). Прежде всего, это касается взаиморасположения надписи с различимыми фигурами и отпечатками клейм: рисунки, тамги и строка рунического текста размещены на свободных и относительно ровных участках поверхности между клеймами, не перекрывая их. Мнимая стертость четырех клейм, оттиснутых вдоль кольцевой подставки чаши, вопреки оценке монгольского исследователя, может объясняться

не длительностью использования чаши, а технологическими причинами (проковкой пластины при выдавливании средней части дна); иначе трудно объяснить лучшую сохранность центрального крестовидного клейма, контур которого проявляется на внутренней поверхности сосуда.

Очередность нанесения граффити может быть иная, чем предложил Р. Мунхтулга. Очевидно, прежде появилась неглубокая линия, очерчивающая крестовидное клеймо на середине донца; ее неоднократно перекрывают более поздние гравюры, в том числе тамга в виде козлика. Именно эта тамга, по-видимому, появилась на сосуде первой из владельческих знаков. Фигурка расположена прямо над линией крыла крестовидного клейма, между оттисками двух других штампов и перпендикулярно ручке сосуда, находящейся справа. В том, что первоначально это было геральдическое изображение, убеждает наличие наклонной линии на спине «козлика», характерное для иконографического варианта тамги Ашина, представленного на стенах Бильге-кагана, Кюль-тегина и ряде других памятниках (этот признак следует добавить в перечень «основных линий» эмблемы; см. (Савинов, 2015:66–67). Изначальные контуры знака искажены многократными глубокими резами, нанесенными позже настолько грубо и с таким нажатием, что фигурка проявилась на внутренней поверхности чаши (рис. 2, 1). Возможно, одновременно с тамгой Ашина справа от нее, между двумя соседними клеймами, прорезана руническая строка, хотя настаивать на этом сложно. Буквенные знаки равной высоты, обращены вершинами к центру донца, вырезаны в ряд на одном уровне параллельно линии крыла креста, так что надпись и тамга занимают позицию под прямым углом друг к другу. Этим достигнута композиционная согласованность взаиморасположения тамги и надписи на размеченном клеймами изобразительном поле, что может косвенно указывает на одновременность обоих граффити.

Следующей могла появиться тамга в форме «птичьей лапки», прорезанная слева напротив надписи. Штамп знака выведен под углом относительно линии строки, и тамга сильно смещена к одному из клейм, возможно, из-за неровностей и мелких каверн, покрывающих остальную поверхность между клеймами. Последними могли появиться изображение всадника и знак в форме «алиф» срединного написания. Оба граффити выполнены сходной техникой, близко смещены друг к другу на небольшом участке поверхности, остававшемся свободным между тремя соседними клеймами. Только эти два изображения и надпись на донце остались не искаженными подновлением и не перечеркнутыми в последующее время. Без дополнительного изучения предмета трудно утверждать, но кажется вероятным, что именно автор «алиф»-тамги и рисунка всадника мог с грубой небрежностью перечеркнуть тамгу «птичью лапку» и штампы, преобразить геральдический знак Ашина в тривиальную фигурку козлика, дорисовав ей хвостик, оперение вонзившейся в спину стрелы и еще пару линий-«стрел», поражающих животное спереди. В довершение все перечеркнутые гравюры предшественников были отделены от вновь созданных длинной линией с поперечными насечками на концах. К сожалению, содержание надписи в предложенном Р. Мунхтулгой прочтении (Munkhtulga, 2013:28) не дает контекстуальных оснований для соотнесения ее с каким-либо изображением на чаше. Соотнесение рунической строки с самыми поздними граффити возможно, но маловероятно, поскольку надпись занимает наиболее удобный участок поверхности, который мог быть использован для начертания тамги «гусиная лапка», будь он не занят прежде. Возможно также, что тамги «птичья лапка» и в виде «алиф» со всадником были созданы одновременно, но позже первая из них стала неактуальной. Несомненно, тщательное изучение памятника должно быть продолжено.

На сегодняшний день могут считаться установленными: а) наличие на донце чаши из Монголии трех видов геральдических знаков (№ 1 – тамга Ашина, № 2 –

тамга «гусиная лапка», № 3 – тамга в форме «алиф»); б) примерная очередность их нанесения на поверхность (№ 1–2–3 или № 1–2 и 3 вместе). Все три знака известны на памятниках тамгопользования Центральной Азии тюркской эпохи. Кратко рассмотрим наиболее важные аналогии, чтобы очертить ареалы знаков и предложить возможную их атрибуцию.

Тамга № 1 (рис. 2, 4, 8-12). Геральдический знак, известный как «родовая тамга второй тюркской династии (682–744)» (Кляшторный, 1980:93–94), т.е. династийная эмблема правящего клана Ашина восточных тюрков первой половины VIII в., встречается преимущественно на стелах и скульптурах мемориальных комплексов (крайне редко – как тамга-петроглифы, археологический контекст которых не известен), сосредоточенных исключительно в территориальных пределах Восточного Тюркского каганата, или тех областей Центральной Азии, на которые de facto распространялся суверенитет его правителей. Происхождение эмблемы и семантика достоверно не установлены (Бабауагов, 2010:402–403; Савинов, 2015:70–73). Среди известных образцов выделяются, по меньшей мере, три иконографических варианта тамги (рис. 2, 9–11), при этом два из них являются, очевидно, производными один от другого. Временные рамки применения того и иного знака (Онгин, Мухар), а также совместного изображения (Донгийн Ширээ) находятся в пределах вероятных датировок названных памятников: 716/719/728–745 гг. (Войтов, 1996:32; Жолдасбеков, Сарткожаулы, 2006:110–111; Munkhtulga, 2014:23). Пример одновременного применения обоих знаков на стеле из Донгийн Ширээ может указывать на статусные отличия их обладателей (как вариант истолкования, например, см.: (Сарткожаулы, 2002:65). До искажения рисунка на сосуде тамга Ашина относилась, по-видимому, ко второй разновидности знака.

Необходимо отметить отсутствие находок тамги Ашина, подобной знаку на каганско-княжеских мемориалах восточных тюрков, в казахстанско-среднеазиатском ареале древнетюркской государственности. Методически ошибочны, а потому безуспешны попытки реконструировать эволюцию форм династийных знаков представителей западного крыла Ашина на основе сопоставления эмблем на тюрко-согдийских монетах VI–VII вв. и отдельных образцов тамга-петроглифов из Казахстана и Кыргызстана, выводя их формы из геральдического знака на мемориалах восточных тюрков первой половины VIII в. (Бабаяров, Кубатин, 2014, с. 104–112). Совершенно очевидно, что представители западной («младшей») ветви Ашина пользовались удостоверительными знаками иных форм (некоторые из них выявлены благодаря исследованиям тех же авторов), что находит опору в материалах по тамга-петроглифам, собранным на юге Казахстана (Тамги..., 2018:253–262).

Тамга № 2. Знак имеет простую форму, которая дает повод для отождествления с ним на самом деле разных символов, объединяемых общим наименованием «гусиная лапка» (Кубарев, 2018:36–37). Среди многих известных разновидностей знаков данного типа тождество с тамгой на сосуде обнаруживают только три или четыре граффити из собрания знаков на скале в Калбак-Таш I на Алтае (рис. 2, 4, 5). Другие похожие знаки, найденные в Туве и Монголии, могут рассматриваться как самостоятельные типологические варианты.

Тамга № 3. Знак простой, но довольно редкой формы. Он трижды изображен в упомянутом собрании тамга-петроглифов в Калбак-Таш – горизонтально и вертикально, развернутый вправо и влево. Вероятно, все три положения тамги равнозначны (рис. 2, 7). В связи с этим заслуживает внимания устойчивое сочетание знака с тамгой Ашина на стелах Онгинского мемориала и Карабалгасун II (рис. 2, 8), на статуе в Хушо-Цайдам III, на скале в Дэл ула и др. (Сарткожаулы, 2002: 64–66, табл.). В одних случаях династийная эмблема Ашина доминирует над «алиф»-тамгой, в других – положение знаков меняется. Вряд ли правомерно

включать «алиф»-тамгу в единый ряд знаков, гипотетически связываемых с эмблемой клана Ашидэ (Babayarov, 2010: 399–400), но сам факт многократного – чаще, например, чем с тамгой в форме змеи, – сочетания с династийным знаком Ашина говорит о высоком положении обладателей данного символа в этнополитической иерархии Восточного Тюркского каганата.

На юге Казахстана две подобные тамги зафиксированы в урочище Жайсан (долина Теректы), в Шу-Илейском междуречье (Западный Тюркский каганат, 2013, с. 417, фото внизу). Тамги выглядят «моложе» средневековых петроглифов и могут относиться к рубежу XIX–XX вв., когда в условиях «земельного голода» общины казахов рода *сыкым* племени *дулат*, которые занимали долину Теректы, в суровые зимы «чаще посылали скот к роду Сты в Ново- и Нижнеилийскую волости»; «за это в Сейкымовскую волость приходят эти волости на джайялу» (Материалы, 1916:132–135). Тамги племен *ысты* и *канлы* имели сходное начертание в форме «алиф» (рис. 2, б), что подтверждается аутентичными источниками (ЦГА РК, 93:123-124; ЦГА РК,30554:151).

Таким образом, анализ граффити на донце чаши с имитациями константинопольских клейм и сопоставление знаков с известными памятниками тамгопользования позволяют констатировать, что первый и последний обладатели ценного сосуда, оставившие на нем свои метки, относились к двум привилегированным кланам Восточного Тюркского каганата. Принадлежность тамги №2 пока не определена, но похожее сочетание с тамгой №3 в собрании знаков на скале в Калбак-Таш может указывать на незаурядное положение ее обладателей среди представителей многих других племен Саяно-Алтая и Монголии того периода (Кубарев, 2018:38). Время обращения серебряной чаши в кочевой среде, судя по датированным памятникам, охватывает не менее ста лет: от начала VIII в. (Онгин) до начала IX в. (Карабалгасун II).

Кувшин из Покровского клада. Очередность создания на донце граффити устанавливается по наложению линий отдельных фигур и знаков друг на друга (рис. 1, 4). До нанесения знаков на поверхность внутреннее пространство между четырьмя крестовидными клеймами было обведено тонкими линиями, образующими квадрат с заключенным внутри пятым крестом. Смысл этого акта трудно объяснить (ср. окружность вокруг центрального клейма на чаше из Монголии), однако вряд ли он связан с последующим нанесением знаков, которые неоднократно перекрывают линии «квадрата». Первыми созданы сразу две тамги – справа и слева между парами клейм; следы инструмента глубокие, сходны по ширине, линии проведены с вертикальным нажимом (боковых замятин не видно). Знаки имеют сложную форму и обозначены как тамги №1 и 2. Судя по сходству линий, тогда же между другими двумя клеймами прорисована третья фигура, значение которой не понятно. Она перечеркнута на следующем этапе, когда в средней части донца была вырезана тамга №3: две симметричные дуги, развернутые концами в стороны. Знак крупнее остальных, правая дуга прорезает центральное клеймо и тамгу №1. Линии дуг выведены в один прием, след инструмента глубокий, имеет характерные замятины на левой стороне (левша?). Сходным способом на уровне верхнего конца левой дуги прорезана еще одна тамга такой же формы – тамга №4. Знак меньшей величины, его линии перекрывают тамгу №2 и дугу тамги №3. Последними штрихами этого палимпсеста стали две короткие линии, одна из которых перекрывает край тамги №1, другая перечеркнула поперек обе дуги тамги №4, а заодно – тамги №2 и 3.

Тамга № 1. Знак весьма специфической формы (рис. 1, 8). Единственной знакомой аналогией является тамга, выбитая на поверхности лицевой стелы с «повествовательной сценой» из мемориального комплекса Когалы в Шу-Илейских горах (Рогожинский, 2010:339–340, рис.8, 3, 5). Несмотря на предельный схематизм

граффито на сосуде, все элементы знака совпадают с замысловатой фигурой на стеле, лишь с той оговоркой, что тамги отображены зеркально. До сих пор тамга из Когалы считалась уникальной (рис. 1, 9, 10), обнаруживая отдаленное сходство с некоторыми знаками на тюрко-согдийских монетах Шаша. Предположительная датировка ритуального комплекса Когалы в пределах VII в. устанавливается по типологическим параллелям (ср. Хар-Ямаатын-гол в Монголии [Кубарев, 2016]) и изобразительным аналогиям (ср. гравировки на камне и кости из Кудыргэ, Суттуу-Булак I) (Тамги..., 2018, с. 256–258).

Тамга № 2 (рис. 1, 6). Основными элементами знака являются незамкнутая фигура, напоминающая лук с намеченной линией тетивы, и две параллельные короткие черты, отходящие от изгиба вверх. Последний элемент позволяет распознать в схематичном граффито хорошо известную тамгу, зарегистрированную в четырех близлежащих пунктах южной оконечности Шу-Илейского междуречья: Актерек, Асык (рис. 1, 5, 7), Аккайнар и Тамгалы. Кроме местонахождения в Тамгалы, все тамга-петроглифы выбиты на скалах возле средневековых стоянок. Знаки однотипные, хотя в их начертании нет единообразия: основная фигура может быть разомкнута вправо или влево, иметь вид незавершенной окружности или еще две короткие прямые линии на обоих концах; пара дополнительных линий изображается параллельными или расходящимися в стороны лучами. Тамга из Тамгалы существенно отличается от остальных своим положением двух линий вниз и пропорциями.

К сожалению, изобразительный контекст тамга-петроглифов беден и не дает оснований для атрибуции, однако дважды знаки встречены с тамгами другого типа, что помогает определить их относительный возраст. В Актереке тамга со временем была подновлена, и внутри основной фигуры тогда же дорисован знак в виде двух параллельных линий, соотносимый с тамгой кыпчаков (рис. 1, 7). В Тамгалы упомянутый знак занимает наилучшую и большую часть поверхности скалы, так что, возможно, позже создатель другой тамги – она относится к типу тамги №3 и 4 на сосуде (см. ниже) – был вынужден разместить ее у нижнего края плоскости.

За пределами Казахстана точную аналогию тамге №2 представляет один из двух знаков (справа) над рунической строкой Гурвалжин-уул в Монголии; здесь тамга развернута, как в Тамгалы. С.Г. Кляшторный по палеографии датировал надпись VIII в., отметив религиозный характер текста, а Ч. Алылмаз без развернутой аргументации отнес тамги к уйгурскому периоду (Кляшторный, 2006:123–124, фото 2; Alyilmaz, 2005:75). Другие примеры полного соответствия тамге №2 в доступных источниках по Монголии, Алтаю, Туве и Хакасии нам не известны. Вторая тамга из Гурвалжин-уул зафиксирована Г.И. Боровкой еще в 1925 г. на скалах в Ихэ-Алык (Монголия и монголы, 2017, с. 83, фото II 25216), а в Шу-Илейском междуречье уже дважды встречена в дуэте с лировидным знаком (возможно, в Алмалы тамги разновременные), который относится к числу редких и связан с кочевой элитой западных тюрков (Рогожинский, Тишин, 2018:81, табл. 1, 5, 6, 8).

Тамги № 3 и 4 (рис. 1, 18). Знаки относятся к одному типу, и почему один из них прорезан на дне кувшина поверх другого, трудно объяснить иначе, чем сменой владельцев сосуда, являвшихся обладателями одинакового геральдического знака. Оба знака представляют основную форму тамги, которая имеет не менее пяти разновидностей, образованных добавлением к ней некоторых элементов, как, например, тамга на стенке ритуальной оградки комплекса Косбатыр в Центральном Казахстане (Западный Тюркский каганат, 2013:310, 312). Известно более 20 местонахождений тамги данного типа, большая часть которых зафиксирована в Шу-Илейских горах и в Тарбагатае (рис. 1, 13–16); отдельные тамга-петроглифы и целые собрания знаков открыты также в Северном Прибалхашье и на юге Каратау. Этот знак не встречается на всем пространстве от оз. Алаколь до р. Иле, и нет

данных о находках такой тамги в Прииссыккулье и верховьях Таласа. На Алтае тамга входит в собрание из 16 знаков, сопровождаемых руническими надписями в Бага-Ойгор (Васильев, 2013:228–229), а также присутствует на донце сосуда из могильника Катанда II (рис. 1, 17), где она образует заключительный «эпиграфический пласт» памятника (Кызласов И.Л., 2010:56–57, рис. 12, 13). В центральной Монголии тамга обнаружена вблизи Баянхонгора (рис. 1, 12): знак на скале сопровождает двухстрочную руническую надпись (материалы памятника любезно переданы Е.А. Миклашевич для опубликования А.Е. Рогожинскому). Самым северо-восточным местонахождением является междуречье Ербы и Теси на левом берегу Енисея, где в 1722 г. найдено изваяние (рис. 1, 11), на одной из сторон которого помещена тамга в форме двух дуг (Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л., 1994).

В целом, известные местонахождения знака очерчивают огромную географическую область, на которой, по-видимому, в разное время происходило перемещение какого-то крупного кочевого объединения. Вопросы датировки и этнокультурной атрибуции разнородных памятников, отмеченных тамгой данного типа на разных территориях, требуют дополнительного изучения. Для нашей темы важно отметить, что на юге и юго-востоке Казахстана эти знаки никогда не входят в сочетание с идентифицированными тамгами VII–VIII вв. и относятся, по-видимому, к более позднему периоду. Принимая в расчет своеобразную конфигурацию ареала тамги на землях Казахстана (Тарбагатай, Сарыарка, Каратау и Шу-Илейские горы) и за его пределами, можно предположительно связать этот знак с племенами, входившими в кимако-кыпчакское объединение в IX–X вв. (Гуркин, 2001: 31–33, 35).

Таким образом, анализ граффити на кувшине из Покровского клада вновь показывает, как в случае с чашей из Монголии, по-видимому, изначально принадлежность ценного сосуда представителям кочевой элиты, тамги которых (№ 1 и 2) относятся к числу особенно редких и зафиксированы в горных ландшафтах, непосредственно прилегающих к урбанизированной области Шуйской долины. Памятуя об имитациях византийских клейм на донце сосуда, а также принимая в расчет сходство тамги №1 со знаком на стеле из Когалы, начало обращения кувшина в кочевой среде можно отнести ко второй половине VII в. Два поздних знака на сосуде (№ 3 и 4) являются общеплеменной эмблемой крупного кочевого объединения и также могут рассматриваться как символы высокого статуса их обладателей. Если наше отождествление знака с кимако-кыпчакской группой племен найдет весомое подтверждение, время перехода сосуда с клеймами к новым обладателям может оказаться в интервале второй половины IX–Xв., после чего не позднее первой трети XI в. дорогое изделие могло стать трофеем караханидских гази (Ахинжанов, 1995:187–194; Гуркин, 2000:20–23), чтобы затем отложиться вместе с другими предметами из серебра в качестве клада на одном из «бугров» Новопокровских городищ Шуйской долины.

Заключение. Рассмотренные серебряные изделия, несмотря на имеющиеся на них имитации крестовидных византийских клейм, очевидно, не относятся к кругу христианских древностей Центральной Азии. Нанесение клейм на оба сосуда – кувшин из Покровского клада и чашу из Монголии – имело целью выдать согдийские изделия за престижные импортные предметы, изначально предназначавшихся для подношений представителям аристократических кланов восточных и западных тюрок в качестве византийских раритетов: они «вызывали интерес не столько сами по себе, сколько за счет обаяния великой культуры, которую ценили не только за успехи в художественном мастерстве» (Маршак, 2017: 336). Подобно брактатам монет Византии и Сасанидского Ирана (см. Серегин, Тишин, 2016), такие «импортные» изделия могли входить в набор атрибутов власти и высокого общественного положения правящей элиты тюрок.

Как показывает анализ удостоверительных знаков, период нахождения обоих сосудов на руках их владельцев был весьма длительным и мог охватывать время жизни нескольких поколений; при этом число запечатленных знаков сравнительно невелико, а формы их различны. Вероятно, клановые символы кочевой элиты, в отличие от знаков идентичности родоплеменных подразделений, долгое время оставались неизменными, и переход раритетов от поколения к поколению внутри клана не требовал дополнительной фиксации (дублирование однотипной тамги на кувшине – возможное исключение). Напротив, утрата одним кланом права обладания сосудом-символом вызывала необходимость обозначения на нем прав нового владельца. Поскольку речь идет в обоих случаях о престижных предметах, отмеченных тамгами правящей элиты, подобные акты перехода прав обладания могут рассматриваться как отражение событий политической истории тюркской эпохи, в той или иной мере освещаемых письменными источниками.

Список сокращений:

ГМВ – Государственный музей Востока
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии Российской академии наук
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИЦАИ – Международный Институт центрально-азиатских исследований
РА – Российская археология
ТГУ – Томский государственный университет
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа

Литература:

Atalar mirasi. Мультимедиалық қор. URL: <http://atalarmirasi.org/> (дата обращения: 06.06.2019 г.).

Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы: Гылым, 1995. – 296 с.

Бабаяров Г., Кубатин А. Очерки по истории и нумизматике Западно-Тюркского каганата. Ч. I. Саарбрюккен. Lap Lambert Academic Publishing, 2014. 190 с.

Бернштам А.Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. Т. II. Сост.: К. Ташбаева, Л. Ведутова. Бишкек: Айбек, 1998. 704 с.

Бернштам А.Н. Чуйская долина. Труды Семиреченской археологической экспедиции. / МИА. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. №14. 160с., ХCV табл.

Бутырский М.Н. Крест на византийской монете // Антиквариат. Предметы искусства и коллекционирования. 2004. №9 (20). С. 141–143.

Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических надписей Южной Сибири. Ч. 1. Древнетюркская эпиграфика Алтая. Астана: ТОО «Prosper Print», 2013. 68 с.

Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культовых поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Изд-во ГМВ. 1996. 152 с.

Городецкий В.М. Серебряные сосуды из курганов с. Покровского Пишпекского уезда // Известия Средазкомстариса. 1926. №1. С. 77–81.

Григорьев Г.В. К вопросу о художественном ремесле домусульманского Согда // КСИИМК. 1948. Вып. XII. С. 94–103.

Гуркин С.В. Половцы Евразийских степей: Проблемы этнополитической истории VII – первая треть XII в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Ростов-на-Дону, 2000. 28 с.

Гуркин С.В. Кыпчаки и кимаки в IX – первой трети XI в. // Донская археология. 2001. №3–4. С. 24–37.

Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. М.:

Наука, 1976. 200 с.

Жолдасбеков М., Сарткожаулы К. Атлас Орхонских памятников. Астана: Күлтегін, 2006. – 360 с.

Западный Тюркский каганат. Атлас. /Коллектив авторов/ А. Досымбаева, М. Жолдасбеков (рук. проекта). Астана: «Service Press», 2013. 848 с.

Сарткожаулы К. Объединенный каганат тюрков в 745–760 гг. Астана: Фолиант, 2002. – 220 с.

Кляшторный С.Г. Древнетюркская надпись на каменном изваянии из Чойрэна // Страны и народы Востока. 1980. Вып. XXII. С. 90–102.

Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб.: Наука, 2006. 591 с.

Кольченко В.А. Средневековое христианство Кыргызстана по данным археологических источников // Религии Центральной Азии и Азербайджана. Т. IV. Христианство. Самарканд: МИЦАИ, 2018. С. 48–103.

Кольченко В.А., Ротт Ф.Г. О Новопокровских городищах // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Бишкек: Илим, 2005. Вып. 1. – 100 с.

Кубарев Г.В. Погребальные памятники древних тюрков в долине Хар-Ямаатынгол (Северо-Западная Монголия) // Археологические вести. 2016. Вып. 22. С. 115–129.

Кубарев Г.В. Раннесредневековые тамги Калбак-Таша I и их исторический контекст // Значение природного и культурного наследия в современном обществе. Горно-Алтайск, 2018. С. 33–39.

Кызласов И.Л. Азиатские рунические надписи на пиршественных сосудах // Вопросы тюркологии. 2010. №1. С. 36–63.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – 214 с.

Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Новый этап развития енисейской письменности (конец XIII – начало XV в.) // РА. 1994. №1. С. 33–50.

Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под рук. Румянцова П.П. Т. 7. Пишпекский уезд. Киргизское хозяйство. Текст. Петроград, 1916. Вып. 2. 407 с.

Маршак Б.И. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII – VIII веков // ТГЭ. 1961. Т. V. С. 177–201.

Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М.: Наука, 1971. 191 с.

Маршак Б.И. Серебро за меха // Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов. СПб.: Изд-во ГосЭрмитажа, 2006. С. 72–82.

Маршак Б.И. История восточной торевтики III–XIII вв. и проблемы культурной преемственности. СПб.: Академия исследования культуры, 2017. 736 с.

Мокрынин В.П., Плоских В.М. Археология и история Кыргызстана. Избранное. Бишкек: Илим, 2010. 300 с.

Монголия и монголы / Сост. М.В. Медведева, С. Чулуун. Улаанбаатар, СПб.: Адмон принтинг, 2017. 272 с.

Памятники рунического письма Горного Алтая. URL: <http://altay.gasu.ru> (дата обращения 06.06.2019 г.).

Рогожинский А.Е. Новые находки памятников древнетюркской эпиграфики и монументального искусства на юге и востоке Казахстана // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова: матер. междунауч. конф. Алматы, 2010. С. 329–344.

Рогожинский А.Е., Тишин В.В. Комплекс рунических надписей и тамгапетроглифов долины Алмалы в Семиречье // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». Кемерово: «АИ Кузбассвузиздат», 2018. Вып. 8. С. 77–91.

Савинов Д.Г. Тамгообразные изображения горных козлов, или к определению фарна древнетюркских каганов // Реальные и знаковые формы социальной дифференциации в архаике. Миф и формы его отражения в ритуальной практике. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 64–74.

Серегин Н.Н., Тишин В.В. Некоторые аспекты изучения «западного» направления контактов элиты тюрков Центральной Азии во второй половине I тыс. н.э. // Вестник ТГУ. История. 2016. №5 (43). С. 9–14.

Тамги доисламской Центральной Азии. Самарканд: МИЦАИ, 2018. 452 с.

Тревер К.В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.; Л.: Изд-во ГосЭрмитажа, 1940. 180 с., 50 ил.

Центральный государственный архив Республики Казахстана (ЦГА РК), ф.44, оп.1, д.93, л.123, 124;

ЦГА РК, ф.44, оп.1, д.30554, л.151 об.

Alyilmaz С. Gьrbelcin (Gurvaljin Uul) Yazıtıylı İlgili Bazı Dьzeltmeler // Manas Ыniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. – 2005. – Sayı 13. – P. 73–79.

Babayarov G. The Tamgas of the Co-ruling Ashina and Ashida Dynasties as Royal Tamgas of the Turkic Kaghanate // Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey / Edited by J.E. Pim; S.A. Yatsenko and O.T. Perrin. London; Dover: Dunkling Books, 2010. – P. 395–404.

China: Dawn of a Golden Age, 200–750 AD / James C.Y. Watt, An Jiayao, Angela F. Howard, Boris I. Marshak, Su Bai, Zhao Feng: with contributions by Prudence O. Harper, Maxwell K. Hearn, Denise Patry Leidy, Chao-Hui Jenny Liu, Valentina Raspopova, Zhixin Sun. New York: Metropolitan museum of art; New Haven: Yale univ. press, 2004. 392 p.

Cruikshank Dodd E. Byzantine Silver Stamps. – Washington: Printed in Germany at T. J. Augustin, Gluckstadt, 1961. IX. – 283 p.; 103 pl., 5 tab., and map.

Matzulewitsch L.A. Byzantinische Antike. Studien auf Grund der Silbergefьdsse der Eremitage. Berlin; Leipzig: Verlag von W. de Gruyter & Co, 1929. – 150 p., 50 taf.

Munkhtulga R. Silver Vessels from Ancient Turkic Period Found in Mongolia // ACCU Nara International Correspondent. 2013. Vol. 12. – P. 27–32.

Munkhtulga R. A unique memorial complex from Ancient Turkic period discovered in Eastern Mongolia // ACCU Nara International Correspondent. 2014. Vol. 13. P. 23–25.

References:

Atalar mirasi. Multimediaylyk kor. URL: <http://atalarmirasi.org/> (06.06.2019 г.).

Akhinjanov S.M. Kypchaki v istorii srednevekovogo Kazahstana. Almaty: Gylym, 1995. 296 s. (in Russian).

Babayarov G., Kubatin A. Ocherki po istorii i numizmatike Zapadno-Tyurkskogo kaganata. Ch. I. Saarbrьycken. – Lap Lambert Academic Publishing, 2014. – 190 s. (in Russian).

Bernshtam A.N. Izbrannye trudy po arheologii i istorii kyrgyzov i Kyrgyzstana. T. II. Sost.: K. Tashbaeva, L. Vedutova. – Bishkek: Aibek, 1998. – 704 s. (in Russian).

Bernshtam A.N. Chuiskaya dolina. Trudy Semirechenskoi arheologicheskoi ekspedicii. / MIA. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1950. – №14. – 160 s., XCV tabl. (in Russian).

Butyrskii M.N. Krest na vizantiiskoi monete // Antikvariat. Predmety iskusstva i kollekcionirovaniya. – 2004. – №9 (20). – S. 141–143 (in Russian).

Vasilev D.D. Korpus tyurkskih runicheskikh nadpisei Yuzhnoi Sibiri. Ch. 1. Drevnetyurkskaya epigrafika Altaya. – Astana: TOO «Prosper Print», 2013. – 68 s. (in Russian).

Voitov V.E. Drevnetyurkskii panteon i model mirozdaniya v kultovo-pominalnyh pamyatnikah Mongolii VI–VIII vv. – M.: Izd-vo GMV, 1996. – 152 s. (in Russian).

Gorodeckii V.M. Serebryanye sosudy iz kurganov s. Pokrovskogo Pishpekskogo uezda // *Izvestiya Sredazkomstarisa*. – 1926. – №1. – S. 77–81 (in Russian).

Grigorev G.V. K voprosu o hudozhestvennom remesle domusulmanskogo Sogda // *KSIIMK*. – 1948. – Vyp. XII. – S. 94–103 (in Russian).

Gurkin S.V. Polovcy Evraziiskih stepei: Problemy etnopoliticheskoi istorii VII – pervaya tret' XII vv.: avtoref. diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. – Rostov-na-Donu, 2000. – 28 s. (in Russian).

Gurkin S.V. Kypchaki i kimaki v IX – pervoi treti XI v. // *Donskaya arheologiya*. – 2001. – №3–4. – S. 24–37 (in Russian).

Darkevich V.P. Hudozhestvennyi metall Vostoka VIII–XIII vv. Proizvedeniya vostochnoi torevtiki na territorii evropeiskoi chasti SSSR i Zauralya. – M.: Nauka, 1976. – 200 s. (in Russian).

Joldasbekov M., Sartkojauly K. Atlas Orhonskikh pamyatnikov. – Astana: Kultegin, 2006. – 360 s. (in Russian).

Zapadniy Tyurkskii kaganat. Atlas. /Kollektiv avtorov/ A. Dossymbayeva, M. Joldasbekov (ruk. proekta). – Astana: «Service Press», 2013. – 848 p. (in Russian).

Sartkojauly K. Obedinennyi kaganat tyurkov v 745–760 gg. – Astana: Foliant, 2002. – 220 s. (in Russian).

Klyashtorniy S.G. Drevnyetyurkskaya nadpis na kamennom izvyanii iz Choirena // *Strany i narody Vostoka*. – 1980. – Vyp. XXII. – S. 90–102 (in Russian).

Klyashtorniy S.G. Pamyatniki drevnyetyurkskoi pismennosti i etnokulturnaya istoriya Centralnoi Azii. – SPb.: Nauka, 2006. – 591 s. (in Russian).

Kolchenko V.A. Srednevekovoe hristianstvo Kyrgyzstana po dannym arheologicheskikh istochnikov // *Religii Centralnoj Azii i Azerbaidzhana*. T. IV. Hristianstvo. – Samarkand: MICAI, 2018. – S. 48–103 (in Russian).

Kolchenko V.A., Rott F.G. O Novopokrovskikh gorodishchah // *Materialy i issledovaniya po arheologii Kyrgyzstana*. – Bishkek: Ilim, 2005. – Vyp. 1. – 100 s. (in Russian).

Kubarev G.V. Pogrebalnye pamyatniki drevnih tyurok v doline Har-Yamaatyn-gol (Severo-Zapadnaya Mongoliya) // *Arheologicheskie vesti*. – 2016. – Vyp. 22. – S. 115–129 (in Russian).

Kubarev G.V. Rannesrednevekovye tamgi Kalbak-Tasha 1 i ih istoricheskii kontekst // *Znachenie prirodnogo i kulturnogo naslediya v sovremennom obshchestve*. – Gorno-Altajsk, 2018. – S. 33–39 (in Russian).

Kyzlasov I.L. Aziatskie runicheskie nadpisi na pirshestvennykh sosudah // *Voprosy tyurkologii*. – 2010. – №1. – S. 36–63 (in Russian).

Kyzlasov L.R. Istoriya Tuvy v srednie veka. – M.: Izd-vo MGU, 1969. – 214 s. (in Russian).

Kyzlasov L.R., Kyzlasov I.L. Novyi etap razvitiya eniseiskoi pismennosti (konets XIII – nachalo XV v.) // *RA*. – 1994. – №1. – S. 33–50 (in Russian).

Materialy po obsledovaniyu tuzemnogo i russkogo starozhilcheskogo hozyaistva i zemlepolzovaniya v Semirechenskoj oblasti, sobrannye i razrabotannye pod ruk. Rumyantseva P.P. T. 7. Pishpekskij uezd. Kirgizskoe hozyajstvo. Vyp. 2. Tekst. – Petrograd, 1916. – 407 s. (in Russian).

Marshak B.I. Vliyanie torevtiki na sogdijskuyu keramiku VII–VIII vekov // *TGE*. – 1961. – T. V. – S. 177–201 (in Russian).

Marshak B.I. Sogdiiskoe srebro. Ocherki po vostochnoi torevtike. – M.: Nauka, 1971. – 191 s. (in Russian).

Marshak B.I. Srebro za mekha // *Vizantiiskaya ideya. Vizantiya v epohu Komninov i Paleologov*. – SPb.: Izd-vo GosErmitazha, 2006. – S. 72–82 (in Russian).

Marshak B.I. Istoriya vostochnoi torevtiki III–XIII vv. i problemy kulturnoi preemstvennosti. – SPb.: Akademiya issledovaniya kultury, 2017. – 736 s. (in Russian).

Mokrynin V.P., Ploskih V.M. Arheologiya i istoriya Kyrgyzstana. Izbrannoe. – Bishkek: Ilim, 2010. – 300 s. (in Russian).

Mongoliya i mongoly / Sost. M.V. Medvedeva, S. Chuluun. Ulaanbaatar–SPb.: Admon printing, 2017. – 272 s. (in Russian).

Pamyatniki runicheskogo pisma Gornogo Altaya. URL: <http://altay.gasu.ru> (06.06.2019 r.).

Rogozhinskiy A.E. Novye nahodki pamyatnikov drevnetyurkskoi epigrafiki i monumentalnogo iskusstva na yuge i vostoке Kazahstana // Rol nomadov v formirovaniі kulturnogo naslediya Kazahstana. Nauchnye chteniya pamyati N.E. Massanova: mater. mezhd. nauchn. konf. – Almaty, 2010. – S. 329–344 (in Russian).

Rogozhinskiy A.E., Tishin V.V. Kompleks runicheskikh nadpisei i tamga-petroglifov doliny Almaly v Semirechie // Uchenye zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya pisanica». – Kemerovo: «AI Kuzbassvuzizdat», 2018. – Vyp. 8. – S. 77–91 (in Russian).

Savinov D.G. Tamgoobraznye izobrazheniya gornyh kozlov, ili k opredeleniyu farna drevnetyurkskikh kaganov // Realnye i znakovye formy socialnoi differentsiatsii v arhaike. Mif i formy ego otrazheniya v ritualnoi praktike. – SPb.: MAE RAN, 2015. – S. 64–74 (in Russian).

Seregin N.N., Tishin V.V. Nekotorye aspekty izucheniya «zapadnogo» napravleniya kontaktov elity tyurkov Centralnoi Azii vo vtoroi polovine I tys. n.e. // Vestnik TGU. Istoriya. – 2016. – №5 (43). – S. 9–14 (in Russian).

Tamgi doislamskoi Tsentralnoi Azii. – Samarkand: MICAI, 2018. – 452s. (in Russian).

Treuer K.V. Pamyatniki greko-baktriiskogo iskusstva. – M.; L.: Izd-vo GosErmitazha, 1940. – 180 s., 50 il. (in Russian).

Alyilmaz C. Gьrbelcin (Gurvaljin Uul) Yazıtyyla İlgili Bazı Dьzeltmeler // Manas Universitesi Sosyal Bilimler Dergisi. – 2005. – Sayı 13. – P. 73–79.

Babayarov G. The Tamgas of the Co-ruling Ashina and Ashida Dynasties as Royal Tamgas of the Turkic Kaghanate // Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey / Ed. by J.E. Pim; S.A. Yatsenko and O.T. Perrin. – London; Dover: Dunkling Books, 2010. – P. 395–404.

China: Dawn of a Golden Age, 200–750 AD / James C.Y. Watt, An Jiayao, Angela F. Howard, Boris I. Marshak, Su Bai, Zhao Feng: with contributions by Prudence O. Harper, Maxwell K. Hearn, Denise Patry Leidy, Chao-Hui Jenny Liu, Valentina Raspopova, Zhixin Sun. – New York: Metropolitan museum of art; New Haven: Yale univ. press, 2004. – 392p.

Cruikshank Dodd E. Byzantine Silver Stamps. – Washington: Printed in Germany at T.J. Augustin, Gluckstadt, 1961. – IX. – 283 p.; 103 pl., 5 tab., and map.

Matzulewitsch L.A. Byzantinische Antike. Studien auf Grund der Silbergefьdsse der Eremitage. – Berlin; Leipzig: Verlag von W. de Gruyter & Co, 1929. – 150 p., 50 taf.

Munkhtulga R. Silver Vessels from Ancient Turkic Period Found in Mongolia // ACCU Nara International Correspondent. – 2013. – Vol. 12. – P. 27–32.

Munkhtulga R. A unique memorial complex from Ancient Turkic period discovered in Eastern Mongolia // ACCU Nara International Correspondent. – 2014. – Vol. 13. – P. 23–25.

**Мазмұны
Содержание
Contents**

**ДЕРЕКТАНУ ЖӘНЕ ТАРИХНАМА
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
SOURCE STUDING AND HISTORIOGRAPHY**

Мухатова О.
ҚАЗАҚ ДАЛАСЫНДАҒЫ ҮЛТ-АЗАТТЫҚ ҚОЗҒАЛЫСТАР
ТАРИХЫНЫҢ ЗЕРТТЕЛУІ (XIX ҒАСЫРДЫҢ
ЕКІНШІ ЖАРТЫСЫ – XX ҒАСЫРДЫҢ БАС КЕЗІ).....5

Begalieva A., Khairullayeva V.
HISTORIOGRAPHY OF THE NEW ECONOMIC POLICY IN
40-YEARS OF XX CENTURY AND AT THE BEGINNING
OF XX CENTURY.....20

Shaimerdenova M.D.
EPISTOLARY CULTURE:
LETTERS AND POEMS FROM THE FRONT.....31

Абдирайымова А.С., Сарсенбаев А.Б.
ТӘУЕЛСІЗ ҚАЗАҚСТАН ТАРИХЫНЫҢ КЕЗЕҢДЕЛУ МӘСЕЛЕСІ.....43

**ЖАҢА ЗАМАН ТАРИХЫ
НОВАЯ ИСТОРИЯ
NEW HISTORY**

Кабульдинов З.Е., Козыбаева М.М.
ОРЕНБУРГСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ (КОМИССИЯ) 1734-1744 гг.
ПО КОЛОНИЗАЦИИ КАЗАХСКОЙ СТЕПИ:
ЦЕЛИ, ЭТАПЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ.....58

Бимолданова А. А.
ВОЛОСТНОЙ УПРАВИТЕЛЬ И ВОЛОСТНОЙ ПИСАРЬ
В АППАРАТЕ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ КОЧЕВЫХ
ВОЛОСТЕЙ АКМОЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ.....72

Бектанов А.А.
ШЫҢЖАҢДАҒЫ XIX ғ. 70-жж. САЯСИ ДАҒДАРЫС
ЖӘНЕ ҚҰЛЖА СУЛТАНДЫҒЫНЫҢ РЕСЕЙ
ИМПЕРИЯСЫНЫҢ ҚҰРАМЫНА КІРУІ.....87

**ТАРИХ ТОЛҚЫНЫНДА
В ПОТОКЕ ИСТОРИИ
IN THE STREAM OF HISTORY**

Бекназаров Р.А. АҚТӨБЕ ӨҢІРІНДЕГІ МҮСЫЛМАНДЫҚ САНАНЫҢ ҚАЛЫПТАСУЫ.....	102
Капаева А.Т. КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В КАЗАХСТАНЕ: ЦЕЛИ, МЕТОДЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ.....	111
Мұхитов Қабібек КАСПИЙ-ОРСК МҮНАЙ ҚҰБЫРЫНЫҢ САЛЫНУ ТАРИХЫ.....	124
Жанбосинова А.С., Қарибаев М. ВОПРОСЫ АДАПТАЦИИ РЕПАТРИАНТОВ В ПРОЕКТЕ ПРООН НА ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА.....	134

**ХАЛЫҚТАНУ МӘСЕЛЕЛЕРІ
ПРОБЛЕМЫ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ
POPULATION ISSUES**

Смагулов Б., Тылахметова А. ТУЛЕНГУТЫ В ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ КАЗАХОВ (XVIII – НАЧАЛЕ XX В.).....	146
Kamaljanova T.A. IMPACT OF LABOUR MIGRATION ON THE LIVES OF “LEFT BEHIND”.....	158

**ЭТНОЛОГИЯ ЖӘНЕ АРХЕОЛОГИЯ
ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ
ETHNOLOGY AND ARCHEOLOGY**

Рогожинский А.Е., Железняков Б.А. КЛЕЙМА И ТАМГИ НА ДВУХ СЕРЕБРЯНЫХ СОСУДАХ ИЗ ДОЛИНЫ ШУ И МОНГОЛИИ.....	167
Novozhenov V.A., Sydykov A.Zh. BRONZE AGE TRANSEURASIAN COMMUNICATIONS.....	184
Қартаева Т. МАҢҒЫСТАУ, ҮСТІРТ ҚАЗАҚТАРЫНЫҢ ДӘСТҮРЛІ ГИДРОТЕХНИКАЛЫҚ БІЛІМІ.....	206
Шашаев Ә. Қ., Тәлім А.Т. ҚАРАҚАЛПАҚТАРДЫҢ ОТБАСЫЛЫҚ-НЕКЕЛІК ҚАТЫНАСТАРЫНА БАЙЛАНЫСТЫ ӘДЕТ-ҒҰРЫПТАР.....	223